УДК 821.161.1

ТЕМА ЛЮБВИ-СТРАДАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ М.А. ЛОХВИЦКОЙ «В ЛУЧАХ ВОСТОЧНЫХ ЗВЕЗД»

© 2020. *Т.А. Дьяченко*
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Статья посвящена теме любви-страдания в поэтическом цикле Мирры Александровны Лохвицкой «В лучах восточных звезд». Особое внимание уделяется центральному образу стихотворений – Вечно-мужественному «черноокому принцу», красавцу с восточными глазами, который одновременно реален и ирреален. Его дуалистическая природа воспринимается различно: с одной стороны, он манит красотой, силой, властностью, с другой – пугает жестокостью и деспотизмом. В статье делается вывод о том, что любовная тема в произведениях Лохвицкой развивается посредством метафорического изображения внешности возлюбленного лирической героини, а экспрессивный синтаксис помогает выражению лирического переживания и придает динамику сюжету.

Ключевые слова: образ, мотив, любовная тема, поэтический цикл, ориентальная символика.

Введение. Лирике М.А. Лохвицкой с ее поклонением страданию присуща декадентская эстетика, особенно это касается стихотворений, сюжет которых развивается на фоне экзотики Востока. К примеру, балладу «Полуденные чары» можно трактовать как аллегорию декадентской приятной смерти-освобождения, а связь образа возлюбленного лирической героини со всадником Апокалипсиса считать неслучайной: он зовет ее в край роз, она остается ради ребенка («*И слышалось, будто сквозь облако грез: / "Умчимся со мною в край солнца и роз!" / Но острым кинжалом мне в сердце проник / Ребенка нежданно раздавшийся крик*» [4, с. 172]).

Главная тема лирики Лохвицкой – любовь. Интерес к проблеме счастья, возможности счастья, стремление найти «разгадку бытия» заставили ее остановиться на этой теме. Одни видят в этом единственном содержании ее поэзии достоинство, утверждая, что «однообразие Лохвицкой – это однообразие Айвазовского» [3, с. 1388], другие иронизируют, что она «как Паганини, умеет виртуозно играть на одной струне» [1, с. 18].

Замкнутость на любовной теме роднит лирику Лохвицкой с ориентальным стихотворчеством, в частности персидским, в котором тема любви-страдания является основной для многих поэтов:

در آرزوی بوس و کنارت مردم
وز حسرت لعل آبدارت مردم
قصه نکنم در از کوتاه کنم
بازآ بازآ کز انتظارت مردم

(Рубаи Хафиза Ширази, [5, с. 57])

В мечтах о твоих объятьях и поцелуях я умер,
От разочарования и досады твоих губ я умер,
Рассказывать не буду больше, сокращу –
Вернись! Вернись! В ожидании тебя я умер.

(Подстрочный перевод с персидского мой – Т.Д.)

Основная часть. Тема сладострастной любви-страдания – главная в произведениях из цикла «В лучах восточных звезд»:

Я хочу быть любимой тобой
Не для знойного сладкого сна,
Но – чтоб связаны с вечной судьбой
Были наши навек имена.

[4, с. 224]

Ценность вечной, а значит настоящей, по мнению поэтессы, любви утверждается благодаря контрасту между плотским чувством, обозначаемым эпитетами *знойный / сладкий сон*, и космическим, божественным пониманием любви, которое выражается через эпитет *вечная судьба.*

Этот мир так отравлен людьми,
Эта жизнь так скучна и темна...
О, пойми, – о, пойми, – о, пойми,
В целом свете всегда я одна.

Я не знаю, где правда, где ложь,
Я затеряна в мертвой глуши.
Что мне жизнь, если ты оттолкнешь
Этот крик наболевшей души?

[4, с. 224]

Лирическая героиня возводит в абсолют свои чувства к возлюбленному, его «спасительному» образу противопоставляется образ мира, который «отравлен людьми», а жизнь и без того скучная и темная окончательно обесценивается, если нет взаимности (*«Что мне жизнь, если ты оттолкнешь / Этот крик наболевшей души?»).* Эмоциональному нагнетанию способствуют анафора («***Этот*** *мир…» / «****Эта*** *жизнь…» / «****Я*** *не знаю…» / «****Я*** *затеряна…»*) и лексический повтор («*О, пойми, – о, пойми, – о, пойми!»*).

Пусть другие бросают цветы
И мешают их с прахом земным,
Но не ты, – но не ты, – но не ты!
О властитель над сердцем моим.

[4, с. 224]

В первой строке четвертого катрена флорообраз цветов антропоморфизируется по женскому вектору и соотносится с влюбленными женщинами, чувства которых отвергают «другие» и «мешают их с прахом земным», но только не возлюбленный лирической героини. Она взывает к нему, и ее обращение вновь заключается в форму повтора – *«Но не ты, – но не ты, – но не ты!»*, что увеличивает эмоциональное переживание. Перифраза *властитель над сердцем моим* подчеркивает сильную чувственную привязанность героини. Лексема *властитель (властелин)* часто используется Лохвицкой в произведениях, ориентированных на восточную тему, и демонстрирует положение восточной женщины, ее покорность и почитание мужчины (*«Привет тебе, путник! В шатер мой войди, / Останься, коль долог твой путь впереди; <…> / Я мех твой наполню струею вина... / Властитель уехал, – войди, – я одна...»* [4, с. 171]), однако встречается и в тех, где пространство поэтического текста находится вне ориентальной локальности.

Тема смиреной любви и рабской женской покорности отчетливо слышна в пятом катрене первого стихотворения цикла «В лучах восточных звезд» и продолжается в последующих. Становится понятным, почему Лохвицкая фоном для сюжетов большинства своих произведений выбирает пространство ориентальной символики (само название поэтического цикла отсылает к нему): на манер невольниц в гареме, ожидающих милости и внимания от их повелителя, лирическая героиня Лохвицкой терпеливо ждет любви от своего «черноокого принца»:

И навеки я буду твоей,
Буду кроткой, покорной рабой,
Без упреков, без слез, без затей.
Я хочу быть любимой тобой.

[4, с. 224]

Эпитеты *кроткая и покорная раба* подчеркивает патриархальность взглядов лирической героини. Скорее всего, здесь нашли отражение стереотипные представления Лохвицкой о положении женщины на Востоке: бесправное, полностью подчиненное мужчине, и только лишь терпением и покорностью можно «заслужить» его расположение. Значение эпитета усиливает лексема *навеки,* а также повтор «***Без** упреков, **без** слез, **без** затей*». Строка-рефрен «*Я хочу быть любимой тобой*» начинает лирическое повествование и завершает его, содержа в себе законченную поэтическую мысль.

Возлюбленный лирической героини Лохвицкой – это Вечно- мужественный «черноокий принц», красавец с восточными глазами, который одновременно реален и ирреален, «он – никто, он – кто-то; единственный и множественный» [2, с. 772]. Его дуалистическая природа воспринимается различно: с одной стороны, он манит красотой, силой, властностью, с другой – пугает жестокостью и деспотизмом:

О божество мое с восточными очами,
Мой деспот, мой палач, взгляни, как я слаба!
Ты видишь – я горжусь позорными цепями,
Безвольная и жалкая раба.

Бледнея, как цветок, склонившийся над бездной,
Колеблясь, как тростник над омутом реки,
Больная дремлет мысль, покинув мир надзвездный,
В предчувствии страданья и тоски.

Бегут часы, бегут. И борются над нами,
И вьются, и скользят без шума и следа, –
О божество мое с восточными очами, –
Два призрака: *Навек* и *Никогда*.

[4, с. 224-225]

Второе стихотворение из цикла «В лучах восточных звезд» отмечено двухчастным строением. В каждом катрене по несколько антитетичных образов на разных уровнях текста: оксюмороны (*божество – деспот*, *божество – палач*), противопоставления (*божество – раба*, *горжусь – позорными*), парность (*навек – никогда*). С помощью антитезы поэтесса вновь подчеркивает двоякую природу властителя над сердцем лирической героини.

Оксюморонная фраза *я горжусь позорными цепями* возвращает к теме сладострастной любви-страдания, а эпитеты *безвольная и жалкая раба* усиливают не только лирическое переживание, но и контраст между образами героини и ее возлюбленным: он становится недосягаемым «божеством».

Второй катрен демонстрирует статические образы: *склонившийся над бездной цветок*, *тростник над омутом реки*, *больная дремлющая мысль*. Фитонимы антропоморфизируются (проводится параллель между склоненностью цветка, тростника и безвольной рабы), передают предчувствие страдания лирической героини и, возможно, скорой смерти.

В стихотворении Лохвицкая развивает теорию «любви за гробом», которая уже намечалась в ее ранней поэзии, однако наиболее ярко проявилась в позднем творчестве. Так, в третьем катрене поэтесса отходит от темы любви-страдания и обращается к теме смерти, после которой наконец наступит воссоединение с возлюбленным. Для четверостишия показательна динамика, создаваемая глаголами: *бегут, борются, вьются, скользят*. Примечательно, что Лохвицкая рисует образы статичными, когда речь идет о любви в земной жизни, и динамичными, если – в «мире надзвездном».

Особый интерес вызывает строка «Два призрака: *Навек* и *Никогда*», где последние две лексемы выделены Лохвицкой графически, а значит поэтесса намеренно привлекает к ним внимание читателя.

«Навек и Никогда» – темпоральные наречия застывшего времени, семантика которых поддерживает двухчастную структуру произведения. Вероятно, Лохвицкая проводит параллель с названием уже известной на время написания стихотворения

скульптурой «Toujours et jamais» («Навеки и никогда») французского мастера Пьера Эбера. Скульптура изображает двух влюбленных, навсегда обретших друг друга в смерти, и как нельзя лучше иллюстрирует теорию «любви за гробом» Лохвицкой. Обращение к предмету изобразительного искусства в контексте поэтического произведения (экфрасис) еще раз свидетельствует о том, что Лохвицкая является предтечей, «открывшей» путь, по которому в дальнейшем пойдут поэты «нового поколения».

В третьем стихотворении цикла «В лучах восточных звезд» вновь взаимодействую два аспекта темы любви поэзии Лохвицкой – любовь-страдание и любовь после смерти.

Нет, не совсем несчастна я, – о нет!
За все, за все, – за гордость обладанья
Венцом из ярких звезд, – за целый свет
Не отдала бы я мои страданья.
Нет, не совсем несчастна я, поверь:
Лишь захочу – и рушатся преграды,
И в странный мир мучительной отрады
Откроется таинственная дверь.
Пусть я томлюсь и плачу от томленья,
Пусть я больна от страсти и любви,
Но ты меня несчастной не зови,
Я счастлива в безумии забвенья!
[4, с. 225]

Внимание читателя акцентируется на строке-рефрене *«Нет, не совсем несчастна я»*, которая в сочетании с фразой *«Лишь захочу – и рушатся преграды»* относит к декадентской эстетике приятной смерти-освобождения.

Тема сладострастного страдания от неразделенной любви развивается с помощью гиперболизации: лирическая героиня не променяет свои мучения ни *«за гордость обладанья венцом из ярких звезд», ни «за целый свет»*.

Эмоциональный тон ощущений героини от любовного томления поддерживают оксюмороны *мучительная отрада* и *счастлива в безумии.* Лексический повтор *«За все, за все»* и анафора *«Пусть я томлюсь» / «Пусть я больна»* отражают импульс лирического переживания.

Во второй части стихотворения – характерный для поэзии Лохвицкой мистицизм, проявляющийся в мотиве сна-смерти.

Не вечен день; я не всегда одна.
Оно блеснет, желанное мгновенье,
Блаженная настанет тишина, –
И будет мрак. И будет царство сна.
И вот, клубясь, задвигаются тени…
То будет ли в мечтаньях иль во сне,
Но ты придешь, но ты придешь ко мне,
Чтоб целовать мои колени,
Чтоб замирать в блаженной тишине.
[4, с. 225]

Поэзия мистического чувства оказывается близкой Лохвицкой, она использует эпитеты и метафоры *желанное мгновенье*, *блаженная тишина*, *царство сна* и др. для создания образа сновидения-смерти, в котором доступно все невозможное в жизни, в том числе и близость к возлюбленному.

Лирический импульс усиливается посредством экспрессивного синтаксиса: парцелляция *«И будет мрак. И будет царство сна. И вот, клубясь, задвигаются*

тени…» реализует выразительную функцию, передавая эмоциональное состояние героини. Лексический повтор «*Но ты придешь, но ты придешь ко мне»* и единоначалие «*Чтоб целовать <...> / Чтоб замирать <...>»* придают сюжету динамичность.

Эстетизация мистического сознания происходит в заключительной части стихотворения. Поэтесса в возвышенном ключе описывает попытку проникнуть в безвременное пространство – сеанс спиритизма, без увлечения которым немыслим Серебряный век:

О, пусть несет мне грустный час рассвета
Все униженья мстительного дня.
Пусть ни единый луч привета
В твоих очах не вспыхнет для меня. –
Воскреснет мир колеблющихся теней,
И призрак твой из сонма привидений
Я вызову, тоскуя и любя,
Чтоб выпить чашу горьких наслаждений
Вдвоем с тобой, далеко от тебя.

[4, с. 225]

Эмоциональному нагнетанию и усилению мистического настроения способствует нанизывание изобразительно-выразительной лексики с негативной коннотацией*: грустный час рассвета*, *униженья мстительного дня*, *ни единый луч привета*. Параллельное сосуществование реального и потустороннего миров в сознании лирической героини подчеркивается антитетичным образом *горького наслаждения* и оксюморонной фразой «*Вдвоем с тобой, далеко от тебя»*.

В третьем стихотворении цикла Лохвицкая отходит от описания «черноокого принца»: его присутствие ощущается лишь посредством двух императивов в первой части (*поверь*, *не зови*), повторяющейся глагольной формы *(ты) придешь* во второй, образа очей, в которых «не вспыхнет ни единый луч привета» и двух личных местоимений в косвенном падеже – в третьей. Таким образом, поэтесса делает акцент не на воссоздании образа красавца с восточными глазами, а на душевном страдании лирической героини.

В четвертом стихотворении из цикла «В лучах восточных звезд» Лохвицкая вновь обращается к описанию ирреального образа искусителя с «властительными» глазами, сливая воедино поэзию любви с поэзией природы:

Зимнее солнце свершило серебряный путь.
Счастлив – кто может на милой груди отдохнуть.
Звезды по снегу рассыпали свет голубой.
Счастлив – кто будет с тобой.

Месяц, бледнея, ревниво взглянул и угас.
Счастлив – кто дремлет под взором властительных глаз.
Если томиться я буду и плакать во сне,
Вспомнишь ли ты обо мне?

Полночь безмолвна, и Млечный раскинулся Путь.
Счастлив – кто может в любимые очи взглянуть,
Глубже взглянуть, и отдаться их властной судьбе.
Счастлив – кто близок тебе.

[4, с. 226]

Любовная тема развивается посредством метафорического изображения внешности возлюбленного лирической героини – *взор властительных глаз*, *любимые очи с властной судьбой*.

Перенос антропоморфизации природы в сферу интимного привносит элемент мистицизма в описание отношений между влюбленными: солнце садится / возлюбленная «черноокого» принца опускается на его грудь; месяц ревниво смотрит / лирическая героиня ревнует «красавца с восточными очами» к другой («*Если томиться я буду и плакать во сне, / Вспомнишь ли ты обо мне?*»). Здесь же вводится ориентальный мотив неги и любовного томления (*отдохнуть на милой груди, дремать под взором властительных глаз, томиться и плакать во сне*), часто встречающийся в произведениях Лохвицкой.

Экспрессивный синтаксис – парцелляция – помогает выражению лирического переживания и придает динамику сюжету; строка *«Счастлив – кто…»* помещается в сильную позицию текста – конец катрена, или же парцелляционно отделяется от основного текста и таким образом наиболее сильно в идейно-эмоциональном плане воздействует на читателя.

Заключение. Стихотворный цикл «В лучах восточных звезд» – еще один пример утонченной поэзии М.А. Лохвицкой с доминирующей темой сладострастной любви-страдания и центральным образом ирреального искусителя с восточными очами, чья дуалистическая природа воспринимается поэтессой различно: он завораживает красотой и пугает деспотизмом.

Произведения цикла проникнуты романтикой, богаты метафорическими красками, в них развивается теория «любви за гробом», уже ранее намечавшаяся в поэзии Лохвицкой, однако наиболее ярко проявившаяся в ее позднем творчестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Т.Л. Жизнь и поэзия Мирры Лохвицкой / Т.Л. Александрова // Лохвицкая Мирра. Путь к неведомой отчизне. – М.: Вече, 2003. – С. 5–87.
2. Голиков В.М. Наши поэтессы / В.М. Голиков. – Неделя. – 1912. – № 5. – С. 771–773.
3. Коринфский А.А. Юные побеги русской поэзии / А.А. Коринфский. – «Север»,1897. – № 44. – С. 1388–1406.
4. Лохвицкая М.А. Путь к неведомой отчизне / М.А. Лохвицкая. – М.: Вече, 2003. – 400 с.
5. Hafiz Shirazi. Rubaiyat. – Tehran, 2012. – 540 s.

Поступила в редакцию 07.03.2020 г.

THEME OF LOVE AND SUFFERING IN THE POETIC CYCLE «V LUCHAKH VOSTOCHNYKH ZVEZD» BY MIRRA LOKHVITSKAYA

T.A. Dyachenko

The article addresses the theme of love and suffering in the poetic cycle «V luchakh vostochnykh zvezd» by Mirra Lokhvitskaya. The focus is made on the central image of the poems, i.e. the eternally courageous «black-eyed prince» who is both real and surreal. The conclusion is made that the theme of love in the works by Lokhvitskaya is revealed by means of a metaphorical image of the lyrical heroine lover's appearance with the expressive syntax helping to express the lyrical experience and giving impetus to the plot.

Key words: image, motive, love theme, poetic cycle, oriental symbolism.

Дьяченко Татьяна Анатольевна.
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».
Аспирант кафедры литературы.
E-mail:dyachenko_tatiana@mail.ru

Dyachenko Tatyana Anatolyevna.
Astrakhan State University.
Postgraduate Student at the Department of Literature.
E-mail:dyachenko_tatiana@mail.ru